

Литературоведение

УДК 80

А.С. Бакалов, З.Н. Бакалова

ОБРАЗЫ «ДЬЯВОЛЬСКИХ КОНЕЙ» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья представляет обзор художественной литературы, содержащей образы апокалиптических или мистических коней в творчестве разных авторов мировой литературы – от Иоанна Богослова до XXI в. Результаты исследования показали, что у такой литературы достаточно широкий спектр подходов к образам странных коней. Они могут быть существами реальными, но наделенными своевольным нравом (произведения Вольтера, Байрона, Гюго, Брехта с сюжетом о Мазепе), но могут быть и плодом расстроенного сознания персонажей («Медный всадник» А. Пушкина) или быть представленными загадочными существами на грани обычного и мистического миров («крымский сюжет» Ю. Кернера, повесть Т. Шторма «Всадник на белом коне», «Всадник в небе» А. Бирса). Кони могут также служить посланцами надмирных сил неведомого происхождения (апокалиптические кони Иоанна Богослова, дьявольские создания Г.А. Бюргера, Н.А. Жуковского, Э.А. По, Э. Мерики, Р. Саути, Г. Ибсена, А. Дросте-Хюльсхоф, Ф. Кафки, М. Булгакова). Особый вариант темы связан с юмористическими сюжетами, в которых роль коня исполняет представитель т.н. «нечистой силы» (Р. Саути, Н. Гоголь). Результаты исследования показали, что в подавляющем числе случаев появление в произведении мистических коней служит предвестником трагического конца для героев сюжета.

Ключевые слова: кони, дьявол, мистика, апокалипсис, угроза, смерть.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-483-491

Эту тему мировой литературы вряд ли можно исчерпать и «закрыть», но открыть ее логично с библейских видений Иоанна Богослова, запечатлевших, как известно, явление четырех жутких апокалиптических всадников. При редких вариантах иных интерпретаций кони апокалипсиса – белый, рыжий, вороной и бледный – это обещание катастроф, символ болезней, войн, голода, самой смерти. Так, русский эсер-террорист Б. Савинков, давший части своих мемуаров соответствующие названия («Конь бледный», «Конь вороной»), никаких коней в свои повествования не вводил, герои его книг – боевики-террористы и «профессиональные» революционеры с их бытом и взаимоотношениями и тем злом, которое, подобно упомянутому зловещим всадникам, они несли своей «борьбой». Не удивительно, что грозная аура, неотделимая от темы неземных коней, влилась в образный строй последующей мировой литературы, связанной с самыми глубинными сферами человеческого существования.

Так, в «Леноре» Г.А. Бюргера – первенце немецкой балладистики – мертвый конь приносит к заглавной героине ее убитого на войне жениха, который, на время восстав из мертвых, спешит увести невесту с собой, после чего начнется жуткая скачка обоих влюбленных на пути к их могиле:

*...Hoch bäumte sich, wild schnob der Rapp'
Und sprühte Feuerfunken;
Und hui! war's unter ihr hinab
Verschwunden und versunken.
Geheul! Geheul aus hoher Luft,
Gewinsel kam aus tiefer Gruft.
Lenorens Herz, mit Beben,
Rang zwischen Tod und Leben... [3. P. 22].*

Троекратно обращавшийся к этой теме В.А. Жуковский («Ленора», «Людмила», «Светлана») троекратно же показал ужас живого человека – девушки-невесты, неожиданно для себя вступившей в «зону смерти», и это ощутимо уже в его прямом переводе бюргеровской «Леноры»:

*...Конь прынул...пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг...все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.*

*И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине,
Лежит Ленора в страхе
Полмертвая на прахе...* [14. С. 167].

Если задаться целью перечислять загадочных всадников в мировой литературе, будь то ночных или дневных, то на память придет не один только Майн Рид. Так, о мистическом всаднике речь заходит в двухчастном цикле Ю. Кернера «Ночные картинки из Крыма» (“*Nachtbilder aus der Krim*”), в котором немецкий поэт, с симпатией относившийся к России, показал героизм русских в Крымской войне (1854-1856), отвагу и мудрость их командира («Смерть Корнилова» – “*Korniloffs Tod*”), но во втором стихотворении им был выведен образ «призрачного» всадника в мундире французского покроя, регулярно проезжающего по ночам со стороны русских окопов по англо-франко-турецким позициям и не обращающего внимания на прицельные выстрелы в его сторону. Дух ли это был недавно скончавшегося французского главнокомандующего Сент-Арно, призрак ли самого Наполеона I, предостерегавшего соотечественников от войны с Россией, или же это был ангел смерти Москир, как считали турки, – так и осталось неясным ни союзникам-захватчикам, ни читателям. Однако то, что он не был бесплотным духом, свидетельствовал эпизод нападения на него со стороны четырех английских солдат, заплутавших в ночной степи и ранивших напугавшего их коня:

*...Starr sie standen, starr sie blickten nach des andern Ufers Strand,
Als er dort samt seinem Rosse wie ein Nebelbild verschwand.* [6. P. 147-149].

В рассказе «Всадник в небе» (A Horseman in the Sky) Амброза Бирса, известного американского новеллиста с мистическим творческим уклоном (1842–1914), солдат-северянин Картер Друз претупно засыпает от усталости, находясь на посту, а когда какая-то сила заставляет его внезапно очнуться, видит перед собой на скале всадника-южанина, в котором он вскоре узнает своего отца. Следуя солдатскому долгу, сын должен убить противника, чтобы тот не обнаружил расположение его, Друза, воинской части. И Друз производит выстрел, прицелившись, однако, не во всадника, а в его коня. И вот что увидел потревоженный выстрелом командир Друза:

«...Всадник сидел по-военному прямо, крепко держась в седле и натянув поводья, чтобы немного сдерживать норовистый нрав лошади. Длинные волосы на его неприкрытой голове были подняты ветром вверх наподобие султана. Правую руку скрывало облако взметнувшейся конской гривы. Лошадь неслась, вытянувшись в струну, копыта били по воздуху так, будто она мчалась по твердой земле. Офицер завороженно следил за ней, а потом дикий галоп замедлился, и она выбросила вперед все четыре ноги как в прыжке через препятствие. И все это в полете!

С ужасом и изумлением смотрел офицер на призрак всадника в небе, у него даже мелькнула мысль, не предоставлено ли ему судьбой стать летописцем нового Апокалипсиса; он был потрясен, взволнован, ноги его подкосились, и он упал» [1. С. 3473].

Если в фантазмагорическом рассказе А. Бирса сын стреляет в отца, конь которого скачет затем по небу, как по земле, то в романе К. Фуэнтеса «Старый гринго», тоже отдавшем дань мистике, пути этих героев-противников – отца и сына – пересекутся вновь. Роль сына достанется на этот раз самому А. Бирсу («старому гринго»), но право на выстрел будет теперь у его отца – «всадника в небе». Амброз Бирс, прошедший через гражданскую войну в армии северян, отправится в 1910 г. в восставшую Мексику и там просто исчезнет в охваченной смутой стране. Скорее всего, он погиб, но конкретных свидетельств этому не найдено, и К. Фуэнтес, создавая в романе свой вариант финала жизни американского писателя-мистика, подведет его своей авторской волей под выстрел «всадника с неба» [19. С. 317].

Появится свой дьявольский конь и в балладе Аннеты фон Дросте-Хюльсхоф (1797–1848) «Чистилище вестфальской знати», начинающейся с того, что далекого от всякой небывальщины студента Йоханнеса Девета, весело возвращающегося домой, по-видимому, на каникулы, почти у порога его дома настигнет странный всадник,

*...Was ihm im Nacken? Ein schnaubend Roß,
An seiner Schulter es rasselt, keucht,
Ein Rappe – grünliche Funken irren
Über die Flanken, die knistern und knirren,
Wie wenn man den murrenden Kater streicht.*

[4. P. 86];

*...Вдруг позади гулкий топот копыт,
Мчится невиданный конь вороной.
Очи сверкают, и грива змеится,
Искры по крупу, как если случится
Кошку, лаская, погладить рукой.*

[4. С. 87].

Схваченный с седла железной рукой дьявольского всадника, Девет будет доставлен им в подземное чистилище, где – после всего, что он там увидит, – ему будет объявлено о скором конце его жизни.

Не миновали мистической темы и два кровно связанных в этом вопросе автора эпохи романтизма – Р. Саути и Н.В. Гоголь, хотя их «дьявольские скачки» – это в буквальном смысле «скачки на дьяволе». Если зрителям советского фильма «Черевички» помнится гоголевский кузнец Вакула, оседлавший незадачливого хуторского черта, чтобы добыть в столице царскую обувь для своей милой Оксаны, то вряд ли многим известно, что Гоголь здесь просто воспользовался сюжетом баллады Р. Саути «Правдивое повествование о епископе Антидии, Папе Римском и Дьяволе» (A True Ballade of St. Antidius, the Pope, and the Devil). Проведав у вездесущего дьявола, что в Риме в чем-то серьезном согрешил папа римский и может запросто угодить в ад, отважный епископ спешно отправляется туда «на попутном средстве транспорта», чтобы спасти князя церкви:

*...The Bishop who beheld all this,
Straight how to act bethought him;
He leapt upon the Devil's back,
And by the horns he caught him.*

*And he said a Pater-noster
As fast as could say,
And made a crops on the Devil's head,
And bade him to Rome away...*

[8. P. 258];

*...Епископ, все уяснив сполна,
Сомненьями не тяготился:
Изловчившись, Дьявола он оседлал
И за рога ухватился.*

*И прочел епископ «Отче наш»
Так быстро, как только сумел,
И, косматое темя крестом осенив,
«В Вечный Рим доставь», – повелел...*

[8. С. 259] (пер. В. Резвого).

Встретятся саутиевским «путникам» в их полете и вполне «гоголевская» ведьма на метле (*They met a Witch and she hailed them / As soon as she came within call*) [8. P. 260], и случится над ними и «гоголевское» же затмение луны, «не учтенное календарем» [8. С. 260].

*...He ran against a shouting star,
So fast for fear did he sail,
And he singed the beard of the Bishop
Against a Comet's tail...*

[8. P. 260];

*...И мчался Дьявол на собственный страх
Быстрее падучей звезды,
И в спешке о хвост кометы спалил
Часть Антидиевой бороды...*

[8. С. 261] (пер. В. Резвого).

Еще в одной балладе Р. Саути – о «Старушке из Беркли», давшей Гоголю тему для «Вия», не обойдется и без дьявольского коня, хозяин которого завладеет «великой грешницей» после тщетных попыток родственников спасти ее душу от предназначенной ей преисподней:

*...The Devil he flung her on the horse,
And he leapt up before,
And away like the lightning's speed they went,
And she was seen never more...*

[8. P. 300];

*...И на коня с добычей прынул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно...*

[8. С. 301] (пер. В.А. Жуковского).

Гоголь, как известно, подменил в аналогичной ситуации в «Вие» истинную грешницу Хомой Брутом, тоже, кстати, побывавшим перед этим и «конем» для нечистой силы (ведьма-«панычка»), и «всадником», а коня – языческим (или собственного сочинения?) кобольдом Виём.

Поистине дьявольским показался безумному Евгению державный конь в «Медном всаднике» А.С. Пушкина:

*...И во всю ночь, безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду всадник медный
С тяжелым топотом скакал...*

[17. С. 845].

Если обращать внимание на тему самой дикой скачки, то литература дает и такие примеры, к которым нечистая сила может быть и непричастна. Так, свою лепту в эту тему ухитрился внести и

Ф.М. Вольтер, возможно, сам того не желая. В своей «Истории Карла XII» он вплеп в биографию Мазепы, еще не успевшего стать предателем, не подтвержденный историей эпизод, где тот – уже после поражения под Полтавой – якобы рассказывает шведскому королю о своей бурной юности и, в частности, о том, как он был некогда наказан за любовные грешки с женой польского сановника тем, что был привязан его слугами спиной к спине необъезженной лошади, и та понесла его, раздетого донага, через всю Польшу и Украину. Скорее всего, эпизод вымышлен французским просветителем ради занимательности «истории», однако он настолько привлек творческое воображение романтически настроенных современников, что на него в обилии откликнулись-накинулись и художники (Т. Жерико, О. Верне, Делакруа, Буланже, Шассерио), и литераторы (В. Гюго, Ю. Словацкий, Р. Готшалль).

Так, Д. Байрон в своей поэме «Мазепа» (Mazeppa) сделал упор лишь на любовные страсти да на демонстрацию страданий заглавного героя:

*...But fast we fled – Away! Away! –
And I could neither sigh nor pray,
And my cold sweat-drops fell like rain
Upon the courser's bristling mane;
But, snorting still with rage and fear,
He flew upon his far career.
At times I almost thought, indeed,
He must have slackened in his speed [2. P. 17170].*

Ту же задачу стал решать и В. Гюго, посвятивший свою поэму художнику Луи Буланже, чья картина «Le supplice de Mazeppa» («Муки Мазепы») привела его в восторг на парижском «Салоне» 1827 г.:

*...Ainsi, quand Mazeppa, qui rugit et qui pleure,
A vu ses bras, ses pieds, ses flancs qu'un sabre effleure,
Tous ses membres liés
Sur un fougueux cheval, nourri d'herbes marines,
Qui fume, et fait jaillir le feu de ses narines
Et le feu de ses pieds... [19].*

*...И вот Мазепа весь, рыдая и рыча,
Распластан под клинком грозящего меча
На яром скакуне,
Что вскормлен был травой из голубых морей,
И сыпал пламя, дым и искры из ноздрей,
И рвался прочь в огне...*

[19] (Пер. И. Стырта).

С целеустановкой на демонстрацию страданий подойдет к этой теме век спустя и Б. Брехт в своей «Балладе о Мазепе» (Ballade vom Mazeppa):

*...Sie schnürten ihn so, daß den Gaul der Verstrickte
Im Schmerz noch aufpeitschte durch sinnloses Zerrn,
Und so, daß er nichts, nur den Himmel erblickte,
Der dunkel ward, weiter ward, ferner als fern... [3. P. 430].*

В поэме Дросте-Хюльсхоф «Исповедь врача» конь в бешеном галопе увозит заглавного героя из разбойничьего плена:

*“Zu Pferd! Zu Pferd! Es ist die höchste Zeit!”
An mir gewiß nicht lag's, ich war bereit,
Saß auf, und über Stock und Stein wir traben
Als solche, die den Feind im Nacken haben...*

[4. P. 42];

*«Вот конь. Давай в седло и побыстрей!»
Стоять и медлить я б и сам не стал.
И конь помчал средь рытвин и камней,
Как будто враг на пятки наседал...*

[13. С. 183-184].

Обращение писателей к теме дьявольских коней нередко предвещает ситуацию смерти. Может быть, с наибольшей очевидностью эта мысль воплощена у Г. Ибсена в драме «Росмерсхольм», в которой мистические белые «кони Росмеров» всякий раз появляются в их саду перед тем, как кто-то в доме должен умереть [15. Р. 798, 810].

Мистический конь, ставший орудием мести, исполняет главную сюжетную функцию в первом опубликованном рассказе Э.А. По «Метценгерштейн», речь в котором идет о гибели двух враждовавших аристократических семейств, – Метценгерштейнов и Берлифитцингов. Действие новеллы круто разворачивается в условной Венгрии. Если «выправить» фабулу рассказа до логического уровня «highly-likely», то последний представитель первого клана – молодой барон Фридрих Метценгерштейн – поджигает конюшню своего престарелого врага-соседа, в пламени которой вместе с лошадьми вроде бы погибает и последний Берлифитцинг (со слов егеря: «...*he has himself perished miserably in the flames*»). Однако из пламени пожара чудом спасается конь огненной масти, которого никто из слуг никогда раньше не видел («...*but all at the castle are positive in denying any knowledge of the horse*») [7].

Огненного коня подводят к поджигателю Метценгерштейну, и тот, ощутив некую иррациональную привязанность к животному, забирает его в свою конюшню. В чертах спасшегося коня есть что-то человеческое (*rapid and searching expression of his earnest and human-looking eye*), но зверь отличается буйным нравом, своеволием и, кроме Фридриха, не дается в руки никому¹.

С его появлением изменится характер молодого аристократа, он все свое время будет теперь посвящать только коню и в любую погоду скакать на нем по округе. А «в одну бурную ночь (*one tempestuous night*) Метценгерштейн, проснувшись от тяжелой дремы, выбегает, как сумасшедший, из спальни и, вскочив на коня, мчится в лес <...> После нескольких часов его отсутствия неожиданно вспыхнувший пожар охватывает все роскошные здания его замка, с треском проникая в самые основания их» [7. Р. 112627]. Когда усадьба уже была полностью объята пламенем, примчал со своим всадником и огненно-рыжий конь, неподвластный узде, и мгновенно спустя бушующее пламя поглотило коня вместе с его седоком, а над горящим замком Метценгерштейнов взвилось в небо облако дыма в виде... силуэта коня:

...A cloud of smoke settled heavily over the battlements in the distinct colossal figure of – a horse [7. Р. 112627].

Восемью годами раньше публикации «Метценгерштейна» начинающий немецкий поэт Эдуард Мерике (1804–1875) тоже стал автором произведения о добровольной гибели всадника в огне пожара – баллады «Огненный всадник» (*Der Feuerreiter*) (1824). Это удивительный шедевр, едва ли укладываемый в бытующие жанровые классификации. Герой стихотворения – странный всадник в красной шапке на тощем коне, знак беды, предвестник пожара, в который сам устремляется, чтобы в нем погибнуть! Вот он снова мечется по дому, снова мчится на своем костлявом скакуне по улицам, за город, за мельницу, где уже видны языки пламени. Наречие «опять», появляющееся у Мерике уже во второй строчке, говорит о повторяемости события, а эмфатические восклицания «*Sehet?*», «*Horch!*», «*Schaut!*», «*Weh!*» вовлекают читателя непосредственно в действие баллады. Ускоряющийся к концу каждой строфы стихотворный ритм и прихотливая система рифмовки внушают ощущение тревоги и беспокойства:

Der Feuerreiter

*Sehet ihr am Fensterlein
Dort die rote Mütze wieder?
Nicht geheuer muß es sein,
Denn er geht schon auf und nieder
Und auf einmal welch Gewühle
Bei der Brücke, nach dem Feld!
Horch! Das Feuerglöcklein gellt:
Hinterm Berg
Hinterm Berg
Brennt es in der Mühle!..*

[10. Р. 49];

Огненный всадник

*Эй, не видите? В окне
Шапка красная мелькает.
Что-то страшно стало мне:
Свет то вспыхнет, то сникает.
Через мост народ валит
И за луг спешит толпою.
Чу! Набат взывает, воя:
За горой,
За горой –
Мельница горит.*

[16. С. 382] (пер. А. Парина).

¹ И «человеческий» взгляд коня, и его избирательность по отношению к наездникам будут характерны и в более поздней (1888) повести Т. Шторма «*Der Schimmelreiter*» [9].

Лирика Мерике автобиографична по самой своей сути, хотя ее биографизм – особого рода. Как то было и с творчеством Гете, реальные события и переживания предстают у швабского поэта в художественном преобразении и зачастую в трудно узнаваемом виде. Так было и с этим стихотворением, реальная подоплека которого такова, что на образ «огненного всадника» баллады наложились три трагедии, оказавшиеся втянутыми в круг жизни юного Мерике: судьба немецкого поэта Ф. Гельдерлина, сгоревшего в огне своих страстей, участь гениального и рано умершего друга Мерике Вильгельма Вайблингера и, наконец, древнегреческий миф о Фаэтоне.

К моменту написания баллады (1824) безумный автор «Гипериона» (1770–1842) уже два десятка лет жил и буйствовал в башне на берегу Неккара, вблизи Тюбингена, где учился и Мерике. Студенческий литературный кружок, куда входили и он с Вайблингером, нередко приглашал Гельдерлина на свои заседания. Факт невменяемости великого поэта не смущал друзей, ибо представлялся им божественной отметиной гения. Мерике знал, что прохожие нередко видели Гельдерлина в окнах его башни, мечущегося в своей белой ермолке в проемах окон. Начало баллады, таким образом, вообще можно считать биографически достоверным, изменен лишь цвет ермолки.

Рано умерший Вайблингер успел перед смертью завершить свой роман «Фаэтон», в котором выразил свое восхищение Ф. Гельдерлином, – в той же мере, в какой сам Ф. Гельдерлин воспел в свое время в образе Гипериона обожаемого им Ф. Шиллера. Остается в этой связи лишь напомнить, что сын Гелиоса Фаэтон, сгоревший из-за неосторожности в солнечных лучах, был внуком Гипериона, сына Урана и Геи [10. С. 100].

Ранняя баллада Э. Мерике оказалась единственным такого рода произведением в его поэтическом наследии, но созданный в ней образ «огненного всадника» неисповедимыми путями литературных влияний отразится впоследствии и на лирическом цикле «Пожар» Г. Келлера, и на образе Огненного человека (Feuertmann) из сказки Т. Шторма «Фея дождя» (Regentrude), и, вероятно, на штормовском же образе «всадника на белом коне» (Der Schimmelreiter) – двух писателей, наиболее близких поэтическому миру Э. Мерике.

«Всадник на белом коне» Т. Шторма (1888) – произведение о незаурядном и целеустремленном человеке Хауке Хайене, переросшем свою эпоху и несущем в себе черты ницшеанского Заратустры, а может быть, даже Иисуса Христа – мифологических «культурных героев», недюжинная энергия которых направлена во благо людям, тогда как люди, случается, бывают и косной злобной толпой, отторгающей своих спасителей, ибо толпа не ведает, что творит.

Хауке Хайен – житель фризского побережья Северного моря, еще в детстве уяснивший, что прибрежные дамбы, защищающие берега от регулярных морских бурь, построены со слишком крутым скатом, они размываемы прибоем и потому их рушат особо сильные бури. Добившись благодаря своей природной одаренности должности смотрителя плотин, Хауке убеждает земляков ради общей их безопасности расширить основание защитных дамб, хотя это и сопряжено с затратой сил и средств, что и станет в повести главным ее конфликтом.

Чрезвычайно важен для произведения заглавный образ «белого коня» – изможденного одра, приобретенного однажды Хауке Хайеном при странных обстоятельствах за 30 «сребреников» (талеров, что одно и то же). И вскоре в округе начинает циркулировать слух о полуистлевшем конском скелете, превращающемся по утрам в коня, который начинает пастись на островке, где нет травы [9. С. 322-323]. Приобретенный конь дик по нраву, послушен одному только Хауке и становится ему верным помощником в его конфликтной работе с земляками. В финале повести, после случившегося трагического прорыва «главной» плотины и совместной гибели повинного в этом Хауке Хайена и его коня, «всадник на белом коне» станет легендой всего побережья. Едва суше начинает угрожать наиболее опасный «большой» шторм, как тут же будто из ниоткуда появляется призрачный всадник на коне «цвета плесени»², чтобы в беззвучном галопе троекратно вонзиться в тело плотины в том месте, где ожидается ее прорыв.

Итак, попав в результате купли-продажи в «нужные руки», таинственный «белый конь» с загадочным прошлым становится у Т. Шторма помощником главному герою в его работе, хотя есть основания подозревать, что как раз это «сотрудничество» приведет их общее предприятие к губительной катастрофе. Если это так, то сюжет в таком представлении, в сущности, совсем не многим отличается от сюжетной канвы известной новеллы Ф. Кафки «Сельский врач» (Ein Landarzt) (1918), где не менее важную роль играют свои не менее загадочные кони.

² Так дословно переводится немецкое слово «der Schimmel».

У безымянного сельского врача, от имени которого ведется повествование и которого в наше время назвали бы «участковым», погибает лошадь, но в минуту острой нужды (а у него как раз срочный вызов к тяжелобольному) врач получает – то ли с небес, то ли из преисподней – роскошный подарок: пару прекрасных, рвущихся в путь коней, которые в мгновение ока доставляют хирурга к больному. Однако благая помощь неведомых сил к добру не приведет. Сначала врач не может установить диагноз у больного мальчика, потом оказывается беспомощен в лечении, затем семейство больного применяет к врачу меры насилия с угрозой отнять у него самое жизнь, и спасают его от беды вроде бы те же его кони, которые *«каким-то образом освободились от ремней; не знаю, как, но открыли снаружи окна <...> Каждый из которых сунул голову в окно и разглядывает больного, не обращая внимания на крики его родственников»*³ <...> *Я вскочил на коня <...> «Но!» – сказал я, но не тут-то было; медленно, как старики, потащились мы через снежную пустыню»* [5, с. 20].

Так кончается новелла. Какую же роль играют у Кафки кони, названные в самом рассказе «неземными» (unirdische Pferde) и чем реально обернулся для кафковского героя такой «подарок с небес»? Врач в результате никому не смог помочь, никого не спас, при этом сам потерял все: дом, в котором отныне хозяйничает «приданный» к коням хамоватый конюх, потерял служанку Розу, ставшую у этого конюха рабыней, свою должность врача, которая теперь достанется его преемнику.

Кони в их разнообразном воплощении могут ассоциироваться в литературе с бегом жизни отдельного человека («кони привередливые» В. Высоцкого) или целого государства («птица-тройка» Н.В. Гоголя), символизируя его взлеты и падения (поднятая «на дыбы» Русь в «Медном всаднике» А. Пушкина), становиться объектами научной или не научной фантастики («Паровой конь» А. Шамиссо), даже средством достичь небес (возвращение булгаковских Воланда и его команды из советской Москвы в финале «Мастера и Маргариты»), но главной их сферой остаются, как и в «Апокалипсисе», сфера и мотив постоянно вторгающегося в людскую жизнь мистического мира, чаще всего несущего с собой экзистенциальную угрозу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bierce: In the Midst of Life. Tales of Soldiers and Civilians // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 3473.
2. Byron G.G. Mazeppa // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 17170.
3. Das Große Balladenbuch. Aus drei Jahrhunderten deutscher Dichtung / hrsgb. von Karl Heinz Berger u. Walter Püschel. Berlin: Verlag Neues Leben, 1965. 527 S.
4. Droste-Hülshoff A. von. Lyrisches Epos / пер. с немецкого А.Бакалова. Самара, 2014. 192 с.
5. Kafka F. Ein Landarzt // Kleine Erzählungen. Mit Federzeichnungen von Alfred Kubin. Insel Verlag, Frankfurt am Main u. Leipzig, 2003. 160 S.
6. Kerner J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1-2. Leipzig: Max Hesses Verlag, 1916.
7. Poe E.A. Metzengerstein // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 112627.
8. Southey R. Ballads. Moscow: Raduga Publishers, 2006. 573 p.
9. Storm Th. Der Schimmelreiter // Th. Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden. Bd. 4. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. S. 251-372.
10. Бакалов А.С. Немецкая послеромантическая лирика. Самара, 1999. 151 с.
11. Бакалов А.С. Теодор Шторм и его «Всадник на белом коне» // Т. Шторм. Всадник на белом коне. М.: Наука, 2005. С. 171-252.
12. Гоголь Н.В. Сорочинская ярмарка // Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Изд-во АСТ, 2018.
13. Дросте-Хюльсхоф А., фон. Поэмы и баллады / пер. с немецкого А.С. Бакалова. Самара: Изд-во СамГУПС, 2020. 302 с.
14. Жуковский В.А. Сочинения в трех томах. Т. 2. Баллады. Поэмы. Повести и сцены в стихах. М.: Худ. литература, 1980. 493 с.
15. Ибсен Г. Росмерсхольм // Генрик Ибсен. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. Пьесы 1873-1890. М.: Искусство, 1957. С. 739–826.
16. Поэзия немецких романтиков. М.: Худ. лит., 1985. 527 с.
17. Пушкин А.С. Медный всадник // А.С.Пушкин. Золотой том. М.: ЭКСМО, 2009. С. 833-846.

³ Очень напоминает сценку из «Сорочинской ярмарки» Гоголя: *«Окно брякнуло с шумом; стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свинья рожка выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: а что вы тут делаете, добрые люди?»* [12; 38].

18. Фуэнтес К. Старый гринго / пер. М.И.Былинкиной. М.: АСТ, Астрель, 2010. 320 с.
 19. Гюго В. Мазепа. URL: http://samlib.ru/s/styrta_i_w/hugo_mazepa_072717.shtml.

Поступила в редакцию 11.01.2020

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук,
 профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
 E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Бакалов Анатолий Сергеевич, доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литератур
 E-mail: abakalov1941@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

A.S. Bakalov, Z.N. Bakalova

DEVILISH HORSES AS POETICAL IMAGE IN WORLD'S LITERATURE

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-483-491

The article presents a survey of literature with apocalyptic or mystic horses in the works of different authors of world literature – from biblical John the Theolog to the XXI century. This literature shows a wide spectrum of interpretative approaches to images of strange horses. They can be natural creatures with wild and wayward temper (works by Voltaire, Byron, Hugo, Brecht with Mazeppa plot) or can be figments of somebody's destroyed conscience ("The Copper Rider" by A. Pushkin) or show themselves as mysterious creatures on the brink of usual and fantastic worlds ("Crimean plot" by Yu. Kerner, novella by Th. Storm "Der Schimmelreiter ("The Rider on the White Horse"), "A Horseman in the Sky" by A. Bierce). Horses can serve as messengers of some supernatural forces of unknown origin (horses by John the Theolog, devilish creatures by H. Bürger, N. Žukovsky, E.A. Poe, E. Mörike, R. Southey, H. Ibsen, A. Droste-Hülshoff, F. Kafka, M. Bulgakov). A specific case of the topic is linked with humorous plots, where the devil serves as a horse for the literary character (R. Southey, N.V. Gogol). The research shows that the appearance of mystic horses in a literary work is for most cases omen of evil and the death for its characters.

Keywords: horses, Devil, mystics, Apocalypse, threat, death.

REFERENCES

1. Bierce: In the Midst of Life. Tales of Soldiers and Civilians. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 3473 (In English).
2. Byron G.G. Mazeppa. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 17170 (In English).
3. Das Große Balladenbuch. Aus drei Jahrhunderten deutscher Dichtung / hrsgb. von Karl Heinz Berger u. Walter Püschel. Berlin: Verlag Neues Leben, 1965. 527 S. (In German).
4. Droste-Hülshoff A. von. Lyrisches Epos. Translated from the German by A. Bakalov. Samara, 2014. 192 p. (In Russian).
5. Kafka F. Ein Landarzt. Kleine Erzählungen. Mit Federzeichnungen von Alfred Kubin. Insel Verlag, Frankfurt am Main u. Leipzig, 2003. 160 S. (In German).
6. Kerner J. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsg. mit einer biographischen Einleitung und erläuternden Anmerkungen v. Dr. Josef Gaismaier. Bd. 1-2. Leipzig: Max Hesses Verlag, 1916. (In German).
7. Poe E.A. Metzengerstein. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 112627(In English).
8. Southey R. Ballads. Moscow: Raduga Publishers, 2006. 573 p. (In English).
9. Storm Th. Der Schimmelreiter. Th. Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden. Bd. 4. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. S. 251-372.
10. Bakalov A.S. Nemetskaya posleromanticheskaya lirika [German postromantic Lyrics]. Samara, 1999. 151 p. (In Russian).
11. Bakalov A.S. Teodor Shtorm i yego "Vsadnik na belom kone" [Theodor Storm and his "Rider on the White Horse"]. T.Shtorm. Vsadnik na belom kone [Th. Storm. Rider on the White Horse]. Moscow: Nauka, 2005. P. 171-372 (In Russian).
12. Gogol N.V. Sorochinskaya yarmarka [Market of Sorocintsy]. Vechera na khutore bliz Dikan'ki [Evenings in the hamlet near Dikanka]. Moscow: ACT-Publishers, 2018 (In Russian).

13. Droste-Hülshoff A. von. Poems and Ballads / translated from German by A.S.Bakalov. Samara: SamGUPS-Publisher, 2020. 302 p. (In Russian).
14. Žukovsky V.A. Sochineniya v trekh tomakh [Works in 3 vol.]. Ballady. Poemy. Povesti i stseny v stikhakh [Ballads. Poems. Novellas and Sketches in verses]. Volume 2. Moscow: Hudožestvennaya Literatura. 1980. 493 p. (In Russian).
15. Ibsen H. Rosmerskhol'm [Rosmersholm]. Genrik Ibsen. Sobraniye sochineniy v 4 tomakh. P'yesy 1873–1890 [Henric Ibsen. Works in 4 vol. Pieces 1873–1890]. Volume 3. P. 739-826. (In Russian).
16. Poeziya nemetskikh romantikov [Poetry of German romanticists]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1985. 527 p. (In Russian).
17. Puškin A.S. Mednyy vsadnik [The Copper Rider]. A.S.Pushkin. Zolotoy tom [A.S.Puškin. The Golden Volume]. Moscow: EKSMO-Publishers, 2009. P. 833-846 (In Russian).
18. Fuentes C. Staryy gringo [The old gringo]. Moscow: AST-Publishers, 2010. 320 p. (In Russian).
19. Hugo V. Mazepa [Mazepa]. Available at: http://samlib.ru/s/styrta_i_w/hugo_mazeppa_072717.shtml (in Russian).

Received 11.01.2020

Bakalova Z.N., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian language, culture of speech and methods of their teaching

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Bakalov A.S., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian and Foreign Literature and methods of their teaching

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Samara State Social Pedagogic University

M. Gor'kogo st., 65/67, Samara, Russia, 443099